

МУСАЕВ М.-С. М.

К ИСТОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПАДЕЖЕЙ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Систему так называемых грамматических падежей современного даргинского языка образуют абсолютив, эргатив, генитив, датив, инструмен-
талис, тематив¹, комитатив, каузалис и фактив. Все они, кроме послед-
него, нашли свое отражение в существующей литературе. Целесообраз-
ность же включения фактива в систему падежей современного даргинского
литературного языка впервые была обоснована в [2]. Говоря о состоянии
изученности данных падежей, следует отметить, что они исследованы
главным образом в синхронном аспекте и преимущественно на материале
литературного языка. Выявлена система окончаний, определены их се-
мантика и основные синтаксические функции [3; 4, с. 102—126; 5, с. 93—
176; 6].

Что же касается диахронического анализа этих падежей, то он оставал-
ся вне сферы внимания исследователей, если не считать разрозненных вы-
сказываний о происхождении тех или иных их форм. Упомянем лишь
две статьи, посвященные генезису формантов дательного падежа [7, 8].
Оставался вне сферы внимания и анализ богатого диалектного материала
по падежам, хотя падежные системы ряда диалектов уже описаны [9—13;
14, с. 93—124; 15—17]. Между тем диахроническое рассмотрение падеж-
ной парадигмы даргинского и других дагестанских языков представляет
очевидный интерес для лингвистической теории не только в силу ее не-
обычайной разветвленности, но и вследствие того неоднократно подчерки-
вавшегося в специальной литературе обстоятельства, что эти языки де-
монстрируют преобразование самого их типологического состояния (ха-
рактеризующегося усилением номинативных черт эргативной в своей ос-
нове структуры).

На современном этапе развития дагестановедения, когда в принципе
уже завершена работа по описанию падежей литературных языков и мно-
жества диалектов, в повестку дня ставится задача показа путей их исто-
рического развития. Современное состояние дагестановедения (в част-
ности, имеющийся в нашем распоряжении диалектный материал), а так-
же общей теории падежей делают вполне реальным решение такой за-
дачи.

Выясняется, что в общедаргинском состоянии из числа рассматривае-
мых падежей функционировали только абсолютив, эргатив и, возможно,
генитив, которые, кроме последнего, были унаследованы даргинским из
языка-основы [18]. Что же касается других падежей, то они складыва-
лись уже в период значительной диалектной дифференциации общедар-
гинского состояния. Поэтому все рассматриваемые даргинские падежи

¹ Термин принадлежит З. Г. Абдуллаеву [1]. Имеется в виду предметный падеж,
отвечающий на вопрос о ком? или о чем?

можно разбить на две группы: а) падежи первого хронологического уровня (абсолютив, эргатив, генитив); б) падежи второго хронологического уровня (датель, инструменталис, комитатив, тематив, каузалис и фактив). Рамки журнальной статьи не позволяют обсудить происхождение всех грамматических падежей современного даргинского языка, поэтому мы здесь ограничимся описанием истории падежей только первого хронологического уровня.

Реконструируемый для общедаргинского состояния абсолютный падеж, по-видимому, был близок к современному абсолютиву как в плане содержания, так и в плане выражения. Однако ряд фактов говорит о том, что общедаргинский абсолютив в ряде случаев отличался от современного и в своем развитии подвергся существенным изменениям. Выясняется, что общедаргинский абсолютив значительно шире функционировал в роли атрибута, обстоятельства места и времени, что им управлялось намного больше послелогов, чем сейчас; что нынешняя абсолютивная форма личных местоимений выступала в роли субъекта и при переходных глаголах, что ряд других значений, составляющих ныне часть семантической структуры абсолютива, не был для него характерен. Установлено также, что нынешняя форма абсолютива ряда слов не совпадает с его древней общедаргинской формой, что в процессе исторического развития у отдельных слов изменился исход, в результате чего у этих слов нарушалось существовавшее ранее тождество формы абсолютива и основы косвенных падежей. В некоторых же случаях, напротив, бывшее нетождество обеих этих форм оказалось снятым.

Все это подтверждается приводимыми ниже фактами языка, которые одновременно сосуществуя в языке, отражают его архаичное и современное состояние. Архаичное в одних случаях сохраняется в тех или иных диалектах, образующих зону консервации, а в других случаях в различных устойчивых выражениях.

Прежде всего укажем на то, что абсолютив утратил или значительно ослабил почти все несубъектные и неobjектные функции, которые, как полагаем, широко были представлены в общедаргинском состоянии. Так, например, в связи с развитием прилагательного заметно сузилась сфера употребления абсолютива в функции определения, который в таких случаях либо заменяется другими падежами (ср.: *урхъу дуб* букв. «море-край» и *урхъула дуб* «моря край»), либо новообразованными относительными прилагательными (ср.: *рурси дурхІа* букв. «девочка-мальчик» и *рурсиси дурхІа* букв. «девический мальчик», т. е. «мальчик с повадками девушки») или же превращается в часть сложного слова (ср.: *ада узи* букв. «отец-брат» — *адавзи* «дядя по отцу»).

Заметно ослабли и функции различных обстоятельств, ранее свойственные абсолютиву. Они ныне либо факультативно, либо облигаторно выполняются падежами обстоятельственной семантики или различными словосочетаниями. Так, например, широко представленная в общедаргинском состоянии функция обстоятельства места, выполняемая абсолютивной послеложной конструкцией, постепенно вытесняется генитивной послеложной. Управление послелогов абсолютным падежом в таких случаях ныне удерживается лишь в устойчивых выражениях народной поэзии, ср.: *ши-дурхІнар ванал бархІи* букв. «село внутри теплое солнышко» и разг. *шила дурхІнар дахтал чарт лер* букв. «села внутри много грязи». Только в устойчивых выражениях сохранилась и такая функция общедаргинского абсолютива, как функция сравнения, например: *вава бухъуцІа* букв. «цветок-желтый», т. е. «как цветок желтый». Эту функцию ныне выполня-

ет словосочетание «абсолютив + сравнительная частица *-ван*» (ср.: *ва-ваван* «как цветок») и т. д. И, наконец, наличие в языке факультативного употребления названий отрезков времени в форме как абсолютива, так и эссива для выражения обстоятельства времени также говорит о том, что более архаичное явление (выражение абсолютивом обстоятельства времени) со временем стало вытесняться новым явлением (выражением обстоятельства времени эссивом — падежом обстоятельственной семантики), ср.: *дуцГрум ну шагъарлизи вякьунра* букв. «лето (т. е. летом) я в город поехал» и *дуцГрумлизив ну шагъарлизи вякьунра* букв. «в лете (т. е. летом) я поехал в город».

Форма абсолютива личных местоимений в общедаргинском состоянии, по-видимому, выполняла функцию субъекта и при глаголах переходной семантики. Подобное состояние сохраняется в чирагском, кункинском и сиргинском диалектах [14, с. 140], образующих зону консервации.

Наряду с утерей или ослаблением несубъектных и объектных функций абсолютива прослеживается усиление его субъектных и объектных функций. Прежде всего отмечается расширение круга семантических групп слов, выступающих в роли субъекта и объекта. В этой роли все больше стали функционировать, например, имена различной семантики, в том числе и самой абстрактной, и даже масдары, ср.: *бугІяри биъни илис сабаб ахІен* букв. «холодно бывание ему не является причиной». Сказанное становится понятным, если иметь в виду то общеизвестное положение, согласно которому первоначально позицию абсолютивного субъекта занимали в основном одушевленные существительные. Аналогичным образом расширены семантические группы слов, выступающих и в роли абсолютивного объекта, ибо, как полагаем, изначально в роли такового выступали в основном неодушевленные существительные. Так или иначе, первоначальная семантическая зависимость слов, выступавших преимущественно в роли субъекта или объекта, с развитием языка постепенно снимается, и на первый план выдвигается принцип синтаксического функционирования слов. Дальнейшая эволюция сделала возможным появление в роли субъекта и объекта фактически любого современного даргинского слова.

Усиление субъектных и объектных функций абсолютива, на наш взгляд, выразилось и в том, что бывшие случаи нечеткого выражения субъектных или объектных функций все более изживаются. Речь идет о субъектах или объектах при как бы самопроизвольно происходящих действиях. В таких случаях исторические имена субъектов и объектов слились со сказуемым, в результате чего абсолютивно-субъектные предложения превратились как бы в безличные (ср.: *шала дикиб* букв. «свет настал» → *шаладикиб* «рассвело»; *бархІи ахъиб* букв. «день прошел» → *бархІиахъиб* «повечерело»; *хІери баиб* «полдень настал» → *хІерибаиб* букв. «ополднело»), а абсолютивно-объектные — в безобъектные эргативные конструкции (ср.: *нуни яхІ барра* букв. «я терпение сделал» → *нуни яхІбарра* «я вытерпел» и т. п.). Возможно, данное обстоятельство в определенной степени объяснимо и развитием даргинского словообразования, где велика роль беспризнаковой формы имен при словосложении. Здесь налицо и усиление значения сказуемого в предложении, которое поглощает зачастую слабо выраженные члены предложения. В некоторых подобных случаях исторические объекты настолько десемантизированы, что ныне в языке они отдельно даже не употребляются, ср.: *нуни гъандуцира* «я вытерпел», *нуни гъайбарра* «я пошел» (исторические объекты *гъан* и *гъай* самостоятельно уже не употребляются).

С развитием поэтического стиля стала разнообразнее и функция обращения, выражаемая формой абсолютива. В позиции обращения стали выступать и названия неживых предметов (ср.: *ц/уэри, духа дилара салам* «ветерок, передай и мой привет»). Под влиянием русского языка развивается также новый тип приложения, выраженного абсолютивом (ср.: *ну, Исаев Иса, ак/убсира...* «я, Исаев Иса, родился...»).

Некоторые исторические изменения произошли и в формальной стороне абсолютива, хотя в подавляющем большинстве случаев общедаргинская беспризнаковая форма абсолютива за весь исторический период не изменилась. Имевшие место изменения характеризуются либо выпадением конечного звука, либо наращением гласного (ср.: **хъубзар* → *хъубзара* «землепашец», **унцу* → *унц* «бык» и т. д.), которые способствовали снятию бывшего тождества формы абсолютива с основой косвенных падежей (ср.: литер. абс. *хъубзара* «землепашец» и ген. *хъубзар-ла*, кайт. абс. *уц* «бык» и ген. *уцу-ла* и т. д.). В ряде случаев в результате лексикализации некоторые иные формы имен превратились в формы абсолютива (такие, например, как словоформы старого латива, ср.: *лни* «зима» и «зимой» при архаичной форме *л* «зима», *г/ебшн* «осень» и «осенью» при *ивгънн* «осенью» и *ивгъ* «осень» в хуршинском говоре и т. д.). В роли абсолютива ныне выступают и все топонимические названия, восходящие к форме старого латива (ср.: *Ахъуша аркъула* «еду в Акуша» и *Ахъуша халабаили саби* «Акуша выросло» и т. д.). Оказались формами абсолютива также некоторые бывшие атрибутивные формы (ср.: *х/ябал* «три» при ген. *х/яб-ла* «троих» и куб. *г/яб* «три»). Кроме того, в формах мн. числа возник дополнительный признак абсолютива -и, ср. абс.: *уришби* «мальчики» и эрг. *уришани*, ген. *уришала* и т. д.

Былая устойчивость формы абсолютива имен с исходом на -л, -н, -р в словоформах косвенных падежей со временем в ряде диалектов и литературном языке становится уязвимой, ср.: литер. абс. *къял* «корова», *дарман* «лекарство», *къяр* «трава» и эрг. *къяй, дармай, къалли*. Старое состояние сохраняется в архаичных диалектах, ср.: цуд. *къвялли, дарманни, кварли*.

В свете сказанного напрашивается вывод о том, что исторический абсолютив даргинского языка в своем развитии постепенно специализировался на передаче субъектных и объектных отношений и все больше освобождался от передачи иных отношений, широко представленных в его прошлом. Следовательно, даргинский абсолютив стал падежом субъекта и объекта, напоминающий собой именительно-винительный, характеризующий ряд номинативных языков.

Довольно специфична история и эргатива. Анализ диалектных данных показывает, что хотя в общедаргинском состоянии эргатив уже и существовал, он еще не был строго парадигматизированной единицей: им не оформлялись личные местоимения и существительные, управляемые глаголами чувственного восприятия. Семантика общедаргинского эргатива складывалась из двух основных значений: субъектного и инструментального, которые, как полагаем, первоначально не отличались таким разнообразием и богатством частных проявлений, какими они отличаются в современном литературном языке. При этом оба значения были представлены настолько широко, что эргатив в одинаковой степени можно было называть падежом как субъекта, так и объекта. Форма общедаргинского эргатива характеризовалась двумя реконструируемыми показателями **-ди* (-ни) и **-ли*, дистрибуция употребления которых была, вероятно, обусловлена семантически.

Историческое развитие семантики общедаргинского эргатива, как это будет показано ниже, характеризуется прежде всего дальнейшим обогащением обоих исходных значений, в результате чего в языке намечаются тенденции к усилению субъектного и ослаблению инструментального значений.

Это выразилось, во-первых, в том, что эргатив стал более разнообразным по своему внутреннему содержанию. В языке появился например, эргативный субъект, представляющий собой лицо или предмет, допускающий, чтобы другое лицо или предмет совершили действие (*илини маза ар-дякьяхъун* «он допустил, чтобы овцы ушли») или чтобы совершилось самопроизвольное действие (*нуни учлули шаладикахъира* «я читая допустил, чтобы рассвет наступил»). Возникает и такой субъект, когда непосредственным исполнителем действия, выраженного каузативной формой глагола, оказывается имя в эргативе, ср.: цуд. *тухтурли рурсили дару берч-кахъиб* букв. «врач девочкой лекарство выпить заставил».

Во-вторых, значительно расширились семантические группы слов, выступающих в форме субъектного эргатива. Если первоначально, как полагают, в последней форме функционировали в основном одушевленные существительные, то в дальнейшем в языке в его форме стали выступать субстантивы практически любой семантики, а также прилагательные, числительные, масдары, причастия и т. д. В современном даргинском языке фактически любое слово может иметь эргатив субъекта (ср.: *хГела хГелабас-ли ну тамашавирула* «твое не знаю меня удивляет» или *итала ай-ли нуша уржлаира* «его ой! нас напугал»). Отмеченное свидетельствует об устранении былой семантической ограниченности функционирования субъектного эргатива и о его превращении во всеохватывающее грамматическое явление.

В-третьих, эргативом стали оформляться субъекты, выраженные личными местоимениями при переходных глаголах. Такие местоимения в общедаргинском состоянии стояли в абсолютиве или в каком-нибудь местном падеже. Примечательно, что архаичное состояние, как отмечалось выше, сохраняется в некоторых диалектах, составляющих зону консервации [14, с. 140].

В-четвертых, расширился круг семантических групп глаголов, управляющих субъектным эргативом. Как выясняется, например, изначально эргативом не управляли глаголы чувственного восприятия, которые ныне в литературном языке уже управляют этим падежом. Архаичное состояние оформления субъекта при глаголах чувственного восприятия не эргативом, а другим падежом до сих пор удерживается в консервативных диалектах, ср.: литер. *нуни* (эрг.) *бецI чебаира* и цуд. *дам* (дат.) *бецI чибажибда*, мег. *дизе* (инлат.) *бецI губра* «я видел волка»; литер. *нуни* (эрг.) *урчи чебаэс виубра* и мег. *дизела* (абл.) *урчи звес бигъубра* «я смог увидеть лошадь». Естественно думать, что возникновение управления эргативом со стороны глаголов чувственного восприятия связано с развитием категории переходности—непереходности, которое в литературном языке зашло дальше по сравнению с архаичными диалектами.

И, наконец, об укреплении позиций эргативного субъекта говорит и тот факт, что субъект устойчиво оформляется в эргативе, даже в таких предложениях, где исторический объект элиминирован, ср.: *нуни яхIбар-ра* «я вытерпел» (←«я терпение + сделал»), *гъанна дудешли гIяхIил че-биули сай* «сейчас отец хорошо видит» (←«сейчас отец [?] хорошо видит»), *нуни ира* «я сказал» (←«я [что-то] сказал»).

История другого исходного значения эргатива — инструментального —

характеризуется тем, что до определенного момента оно также обогащалось различными частными проявлениями, после чего наметилась тенденция к его ослаблению.

Динамика инструментального эргатива первоначально сводилась к тому, что в его роли стали выступать слова различной семантики. Если, например, как установлено, в инструментальной функции сначала выступали названия только конкретных неодушевленных предметов, то с последующим развитием языка эта функция стала выполняться самыми различными словами, в результате чего инструментальное значение эргатива значительно обогатилось частными проявлениями.

Однако же с определенного исторического времени в языке наметилась тенденция к ослаблению этого значения. В пользу сказанного говорит целый ряд фактов.

Во-первых, для передачи инструментального значения в литературном языке и в ряде диалектов оформился специальный падеж (инструменталис), который пока еще функционирует параллельно с эргативом, ср.: *xIyuni явли* (эрг.) *селра сахIерхид* и *xIyuni явличибли* (инстр.) *селра сахIерхид* «ты криком ничего не добьешься». Инструменталис возник здесь совсем недавно, на что уже указывалось в специальной литературе [10, с. 511; 19]. Показательно, что наряду с инструменталисом на -чибли, оформляющим преимущественно названия неодушевленных предметов, в языке развивается и фактив на -ли [2, с. 103—106], оформляющий в основном названия одушевленных предметов и выражающий значение русского творительного в случаях *ит учительницали* (факт). *рузули сари* «она работает учительницей», ср.: *учительницани* (эрг.) *ученик вагьур* «учительница узнала ученика».

Во-вторых, засвидетельствованы факты факультативной передачи инструментальной семантики не эргативным, а другими падежами, ср.: литер. *нуну дисли* (эрг.) *кьацI балъунра* и *нуну бисличил* (ком.) *кьацI балъунра* «я ножом хлеб порезал»; литер. *куцли* (эрг.) *жагаси* букв. «телосложением красивый» и *куцлизив* (эсс.) *жагаси* «красивый в телосложении», *куцлизивад* (абл.) *жагаси* букв. «из телосложения красивый», т. е. «красивый по телосложению»; кад. *нуну тIерхъали* (эрг.) *хвалике бягъира* и *нуну тIерхваличу* (лат.) *хвалике бягъира* букв. «я на собаку палкой ударил». А передача значения инструмента в приведенных случаях не эргативом, а другими падежами, бесспорно, является вторичной, поскольку сами эти падежи, заменяющие эргатив, оформились в языке позднее эргатива и уже на базе последнего.

В-третьих, об ослаблении инструментального значения эргатива говорят известные факты слияния его исторической формы со сказуемым. Речь идет о тех случаях, когда значение отдельно взятого эргатива ныне уже не поддается какой-либо семантической характеристике, ср.: *вацIа кIали бягъиб* букв. «лес| листвою ударился», т. е. «зазеленел», *xIy къунба угъули* букв. «ты ложью (мн. ч.) говоришь», т. е. «обманиваешь» и т. д. В подобных предложениях наличие эргатива возможно мотивировать лишь диахронически. Как показывает история этих построений, в них эргатив исторически выполнял инструментальную функцию, которая к настоящему времени существенно затменена. Ныне подобные словосочетания, как правило, воспринимаются как самостоятельные сложные глаголы, выступающие в роли сказуемого.

В-четвертых, об ослаблении инструментального значения эргатива говорят также засвидетельствованные факты превращения определенной группы частных инструментальных значений, которые воспринимались

ранее как средство действия, в различные обстоятельственные значения, ср.: *иш хІянчи ца базили бирис* букв. «эту работу одним месяцем сделаю» (т. е. «за один месяц»), *хІела гІяхІдешли наб дабри дикиб* букв. «твоей добротой мне обувь досталась» (т. е. «по твоей доброте»), *устали хІева някълі бирбуб* букв. «мастерица (швея) платье руками сшила», т. е. «не на швейной машине», и т. д.

Наконец, необходимо остановиться на истории и другого несубъектного значения эргатива — на его прямообъектной функции, отмечающейся во всех современных диалектах и поэтому, возможно, наблюдавшейся и в общедаргинском состоянии. Речь идет об эргативе в конструкциях типа *ну кьацІли* (эрг.) *укулра* «я ем хлеб» (букв. «я хлебом ем»), которые стали в даргиноведении предметом не только пристального внимания, но и продолжительной дискуссии [5, с. 112—132; 20]. Здесь важно решение вопроса, в каких хронологических отношениях находится данная конструкция с параллельно функционирующей синонимичной ей конструкцией типа *нуни кьацІ букулра* «я ем хлеб», с прямым объектом в абсолютиве и субъектом — в эргативе. Есть основания полагать, что конструкция с прямообъектным эргативом отражает относительно древнее состояние даргинского языка, когда прямой объект (скорее, праобраз нынешнего прямого объекта) выражался и эргативом. Об этом свидетельствует ряд фактов. Во-первых, форма глагола, управляющего прямообъектным эргативом, древнее формы глагола, управляющего прямообъектным абсолютивом, ибо производность последней от первой очевидна, ср.: *букес* «есть» и *беркес* (← *бе* + *рукес*) «поесть». Во-вторых, подобный эргатив отмечается при глаголах, образующих немногочисленную группу со значением рода занятий. При этом вместе с последними прямой объект зачастую составляет синтаксическое единое целое, т. е. является единым членом, а именно, сказуемым, ср.: *ит кьацІли укули сай* «он есть» (букв. «он хлебом ест»). Во всех таких словосочетаниях эргатив уже содержательно (как прямой объект) не выделяется, он имеет абстрагировавшееся значение необходимого информативного восполнения. Относительно данного явления даргинского языка И. И. Мещанинов пишет: «Выступающий в предложении объект может не выделяться, оставаясь примыкаемым к сказуемому и не передавая ему объектных отношений» [21]. Видимо, рассмотренный случай, действительно являясь реликтовым явлением даргинского языка, отражает то состояние, когда в языке не были четко отделены прямой и косвенный объекты [22], и «глагол выражал не столько действие, переходное или непереходное, сколько состояние, в котором находился данный предмет, безразлично, субъект или объект с точки зрения позднейшего восприятия» [23].

В этом плане показательно то, что все авторы (Л. И. Жирков, С. Л. Быховская, С. Н. Абдуллаев, З. Г. Абдуллаев), рассматривавшие данный вопрос, подчеркивают, что в подобных конструкциях глагол выражает «как бы состояние, а не действие» (в этих случаях сказуемое почти всегда передается глаголом несовершенного вида). Таким образом, все сказанное позволяет предположить, что даргинский глагол некогда выражал, действительно, не транзитивное и интранзитивное действия, а такое действие, которое, с одной стороны, мыслилось как совершаемое кем-то, а с другой — как состояние, в котором находится предмет. Отражение этого явления, видимо, наблюдается в таких примерах даргинского языка, как: *нуни кьар удулра* «я кошу траву» и *ну кьарли удулра* «я занят кошением травы» (букв. «я травой кошу»). Разумеется, в подобных ситуациях размежевать субъект и предмет состояния довольно труд-

но. В таких случаях первым шагом к отделению субъекта от объекта, вероятно, является маркировка этих величин словопорядком. Субъект во всех случаях занимает начало предложения, а объект — его середину, следует за субъектом, ср.: *нуни* (эрг. суб.) *кьар* (абс. объект) *удула* «я кошу траву» и *ну* (абс. суб.) *кьарли* (эрг. объект) *удула* «я травой кошу». Следовательно, первоначально и абсолютив и эргатив выражали как субъект, так и объект отнюдь не на их современной функциональной основе.

Это реликтовое состояние с развитием категории переходности — непереходности стало затухать. Процесс начался с замещения прямообъектного эргатива либо абсолютивом (там, где это позволяла семантика глагола, ср.: *ну кьарли удула* букв. «я травой кошу» — *нуни кьар удула* «я кошу траву»), либо паритивным генитивом (ср.: *ну кьацли ужура* «я хлебом поел» → *нуни кьацли беркунра* «я хлеба поел») или с его опущения (ср.: *ну кьацли ужура* «я хлебом ем» → *ну ужура* «я ем»).

Показательны данные родственных языков, где прямообъектный эргатив не сохранился. В подобных случаях, засвидетельствованных, например, в аварском языке, при передаче глаголом состояния (рода занятий) в отличие от даргинского языка объект опускается, ср.: авар. *дос бецулеб буго ххер* «он косит сено» при *дов вецарилев вуго* «он косит» и дарг. *илини мура удули сай* «он косит сено» при *ил мурали удули сай* букв. «он сеном косит» и *ит удули сай* «он косит». Отсюда вытекает вывод о том, что даргинский язык в процессе предполагаемого перехода от этапа деления глаголов на глаголы действия и глаголы состояния к ступени деления глаголов на переходные и непереходные отражает как бы промежуточное положение. В даргинском пока не все глаголы лексически стабилизированы как переходные или непереходные. Определенная их часть все еще остается лабильной. Это в основном такие глаголы, которые выражают действие, способное произойти и самопроизвольно, а также глаголы, допускающие семантику рода занятий. Поэтому представляется некорректным усматривать залоговый характер словоформ таких глаголов, употребляемых в значении переходного и непереходного глагола (ср.: *гажин шинни бирцлур* «кувшин наполнится водой» и *итини гажин шинни бирцлу* «он кувшин водой наполнит» при *ит шинни гажинта вирцлур* «он будет заниматься наполнением кувшинов водой»).

Итак, эргатив первоначально был формой такого падежа, за которой была закреплена широкая гамма значений, субъектных, объектных и определительно-обстоятельственных. Далее в функциональном развитии эргатива наметилась тенденция к закреплению за ним только субъектных значений. Ныне обстоятельственные и объектные значения сохранились в нем лишь остаточно, будучи факультативно или облигаторно переданными формам других падежей или послеложных построений.

Наметилась тенденция к снятию былой семантической обусловленности употребления окончаний *-ни* и *-ли* и к унификации формы эргатива. Такая унификация уже завершилась в ряде диалектов (кайтагском, муиринском и губденском). Унификация в последнем выразилась в генерализации окончания одушевленных существительных *-ни*, а в первых — в генерализации окончания неодушевленных существительных *-ли*.

В части диалектов (урахинском, кубачинском) начало процесса унификации ознаменовалось появлением контаминированных показателей типа *-ли + ин* (урах.) и *-ли + ди + л* (куб.), в которых, как видно, на показатель неодушевленных наложился показатель одушевленных. Это, естественно, вызвано индуцирующей ролью класса одушевленных. Заме-

тим, что подобная контаминация отмечается в истории и других морфологических категорий даргинского языка [24].

В процессе исторического развития исходные показатели эргатива подверглись различным фонетическим изменениям, в результате чего возникло большое количество алломорф, общее число которых в современных даргинских диалектах доходит до сорока.

На основе анализа многочисленных фактов диалектного материала напрашивается вывод о том, что современная форма эргатива в своем источке — это реинтерпретированная форма старого латива, который, очевидно, восходит к общекосвенному падежу языка-основы. Допустимость такой интерпретации подробно аргументирована нами в [25, с. 20—22].

Говоря о степени дифференциации субъекта и объекта даргинским языком на современном этапе, нужно отметить следующее. В современном даргинском языке дифференциация субъекта и объекта при помощи падежей полностью еще не достигнута. Обе величины выражаются при помощи как абсолютива, так и эргатива, правда, лишь с той разницей, что субъект преимущественно выражается эргативом и абсолютивом, а объект абсолютивом. Случаи выражения прямого объекта эргативом минимальны и носят реликтовый характер. Полная же дифференциация субъекта и объекта достигается в даргинском языке лишь на синтаксическом уровне — словопорядком. Субъект, будь он эргативным или абсолютивным, всегда располагается в начале предложения, ср.: *нуни* (эрг.) *газета бучИулра* «я читаю газету» и *ну* (абс.) *газетали учИулра* букв. «я газетой читаю» («я занят чтением газеты»). Объект же, будь он также в абсолютиве или эргативе, всегда следует за субъектом, ср.: *нуни газета* (абс.) *бучИулра* «я читаю газету» и *ну газетали* (эрг.) *учИулра* «я занят чтением газеты» (букв. «я газетой читаю»). Последнее предложение на русский язык можно перевести и как «я читаю газету».

Использование словопорядка как средства, маркирующего субъект и объект, разумеется, обусловлено недостатком четкого морфологического способа, дифференцирующего обе величины. Это могло особенно касаться того периода, когда в языке субъект и объект выражались формами эргатива и абсолютива синкретически.

Говоря о происхождении исходных показателей даргинского эргатива *-ди(-ни)* и *-ли*, необходимо отметить, что они, как это подтверждает наш материал, являются унаследованными от языка-основы, где они, возможно, были показателями общекосвенного падежа [26] и в этимологическом плане могли восходить к классным показателям [25, с. 14—19].

Если рассмотренные падежные единицы являются в даргинском вполне сформировавшимися позиционными падежами, то в этом плане генитив можно назвать позиционным лишь частично. Показательны его происхождение и тенденции дальнейшего развития.

Сравнительно-исторический анализ диалектного материала показывает, что генитив (точнее его современная форма), по-видимому, существовал в общедаргинском состоянии, имея довольно единообразную семантику передачи в основном атрибутивных отношений. Если это так, то восстанавливаемая для общедаргинского состояния форма на *-ла* была в основном атрибутивной формой.

Современная форма даргинского генитива, выражая главным образом атрибутивные отношения, в основном сохраняет свое старое содержание. Вместе с тем нынешний генитив со временем стал характеризоваться рядом четко наметившихся тенденций — ослаблением некоторых своих атрибутивных значений и появлением ряда иных, неатрибутивных.

Ослабление атрибутивных значений прежде всего выразилось в замене атрибутивного генитива развивающимися формами относительных и притяжательных прилагательных. Так, например, понятие «кумыкский язык» в современном даргинском языке можно передать как генитивной синтагмой (*кѳумукъла мез* букв. «кумыков язык»), так и адъективной (*кѳумукълан мез* «кумыкский язык»). Аналогичные примеры в современном языке довольно многочисленны (ср.: *гилмула хIянчи* букв. «науки работа» и *гилмуласи хIянчи* «научная работа», *хIурматла адам* букв. «уважения человек» и *хIурматчевси адам* «уважаемый человек» и т. д.). Эти примеры, безусловно, подчеркивают начало процесса формирования относительных и притяжательных прилагательных, синонимичных притяжательной и относительной функциям генитива. Следует, однако, отметить, что процесс этот еще далек от завершения. Как отмечал еще С. Н. Абдуллаев, имея в виду последний пример, «...недавняя, еще не укоренившаяся в языке, практика прибавления *-си* пока не успела повлиять на такие имена и превратить их в прилагательные» [4, с. 133].

Кроме того, в ряде случаев форма генитива, выражающая различные относительные значения, стала факультативно заменяемой другими падежами, ср.: *узила* (ген.) *хабар* букв. «брата весть», т. е. «весть о брате», и *узичила* (тем.) *хабар* «весть о брате»; *душма* (ген.) *инсап агара* букв. «врага совесть нет», т. е. «у врага совести нет», и *душмайзир* (эсс.) *инсап агара* букв. «в враге (т. е. у врага) совести нет»; *нушала* (ген.) *ца* букв. «паш один», т. е. «из нас», и *нушазивад* (абл.) *ца* букв. «из нас один»; *нерхла* (ген.) *банка* букв. «масла бавка», т. е. «банка с маслом», и *нерхличилси* (ком.) *банка*, т. е. «та, банка, которая с маслом». Надо отметить, что приведенные негенитивные синтагмы являются вторичными, и об их вторичности говорит то, что падежи, заменяющие в них генитив, как известно, возникли в языке значительно позднее последнего. Сфера употребления генитива в притяжательной и относительной функциях сузилась и за счет опущения или слияния определяемого компонента бывшей атрибутивной синтагмы со сказуемым, ср.: *нуни зянкъла* (ген.) *аргѳира* букв. «я звонка услышал» (← *нуни зянкъла тIама аргѳира* «я звонка голое услышал»); *хIаа гIердарра* букв. «я собаки (ген.) подражание + сделал» (← *хIаа гIер + дарра* букв. «собаки подражание сделал»). Опущение или слияние определяемого слова в подобных случаях, разумеется, стало возможным в силу его подразумеваемости, вызванной долгим употреблением в определенном окружении.

И, наконец, о сужении сферы функционирования именной атрибутивной формы на *-ла* говорит также факт, что такие формы ряда субстантивов, обозначающих отрезки времени и отдельные отвлеченные понятия, со временем в языке лексикализировались, став функционально равными прилагательным, ср.: *савлила аргъ* букв. «утра погода», т. е. «утренняя погода», *хабарла адам* букв. «вести человек», т. е. «известный человек», и т. д. Форму генитива в подобных словосочетаниях в настоящее время нельзя квалифицировать как падежную, ибо она отвечает не на падежный вопрос *села?* «чего?», а на вопрос прилагательного *сегъуна?* «какой?».

Таким образом, ряд функций именной атрибутивной формы постепенно стал передаваться прилагательными, а иногда и новообразованными падежами, что, разумеется, не могло не сказаться на качественном преобразовании этой формы.

Параллельно с ослаблением определительной функции общедаргинской атрибутивной формы имен в языке наметилась тенденция к усилению или приобретению этой формой иных, неопределительных функций.

Прежде всего это выразилось в переосмыслении отдельных атрибутивных отношений в субъектные и объектные. Так, в предложении *илхели нешла иличи гымидухъун* «тогда на него мать разозлилась» форма генитива *нешла* «матери», в настоящее время воспринимающаяся как субъект действия, в своем истоке выполняла определительные функции, ср.: букв. «тогда мамина желчь на него нашла» (= «мама разозлилась»). Подобное переосмысление отмечается и в предложениях типа *унрала урчи теб* «сосед имеет лошадь» («—букв. «соседа/соседова лошадь имеется»).

В результате упрощения исторической атрибутивной синтагмы за счет опущения определяемого компонента, выражающего предмет количественного измерения, у атрибутивного генитива развивается объектное значение, ср.: *нуни кьацIла беркунра* «я хлеба поел» («—я хлеба определенное количество поел»), *шинна бержира* «воды выпил» («—я воды определенное количество выпил»), *уцц вецIал килола цIерхъбиуб* букв. «бык десяти килограммов поправился» («бык десяти килограммов количество поправился»), т. е. «на десять килограммов».

Несколько затемнено происхождение значения инструментального дополнения у генитива в предложениях типа *гIиниз шинна бегъуб* букв. «родник воды высох», *ну хIулбала сукъуриубра* букв. «я глаз ослеп», т. е. «я ослеп» и т. д. Вполне вероятно, что и в этих предложениях скрыто какое-то древнее атрибутивное значение генитива.

Как вытекает из вышесказанного, современные неатрибутивные значения генитива и его кажущийся приглагольный характер являются результатом преобразования бывших атрибутивных синтагм.

Несколько обособленно в этом плане выглядит значение примасдарного генитива, изредка употребляемого в современном даргинском языке. Речь идет о случаях типа *хIерагу ца, иш дурхIяла висниличи!* «посмотри-ка, как плачет этот мальчик!» (букв. «посмотри-ка на плаканье этого мальчика»), *хIевала брицци, гъари!* «как платье постирали, ужас!» (букв. «платье стирка, ужас!») и т. д. Как видно из приведенных примеров, имена в форме генитива имеют значение либо субъекта, либо объекта. В ряде случаев подобное функционирование генитива оказалось недавним результатом влияния русского языка и развития различных стилей языка. Необходимо, однако, подчеркнуть, что подобное управление масдара генитивом является пока факультативным, ибо оно легко заменяется эргативным или абсолютным. Следовательно, генитивное управление масдара в современном даргинском языке — явление новое, не ставшее еще нормой и тем более отсутствовавшее в общедаргинском состоянии (к тому времени и сам масдар едва ли мог сложиться).

В связи со сказанным необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство, определяющее сущность даргинского генитива. Речь идет, о том, что субъектные и объектные функции генитива, по авторитетному мнению [27, с. 175—203; 28, с. 156—164], являются основными критериями для постулирования генитива в качестве позиционного падежа. В этом плане современный даргинский генитив характеризуется как падеж, выполняющий в основном определительные функции. Другие же его функции, в том числе функции субъекта и объекта, минимальны. Поэтому, если за основу определения статуса генитива как позиционного падежа принять названный выше критерий, то и современный даргинский генитив выглядит как еще не вполне сложившаяся категория.

В рассматриваемом аспекте довольно интересна и история примененного употребления генитива даргинского языка. Если, например, по свидетельству Е. Куриловича и Э. Бенвениста, примененное употребление генитива

в индоевропейских языках — результат дальнейшего развития субъектного и объектного употребления генитива [27, с. 195—196; 28, с. 163—164], то общий ход эволюции даргинского генитива не позволяет аналогичным образом квалифицировать широко представленное приименное употребление даргинского генитива. В даргинском языке оно является еще прямым продолжением основного исходного значения именной атрибутивной формы — значения определения. Следовательно, казалось бы, совершенно идентичные на первый взгляд функции генитивов русского и даргинского языков в случаях дарг. *дурхIяла жуз* «мальчика книга» и русск. *книга мальчика* неодинаковы в плане их исторического развития. В русском языке эта функция имеет истоки: *мальчик играет* → *игра мальчика* → *смех мальчика* → *сон мальчика* → *нрав мальчика* → *книга мальчика*, а в даргинском: *биштIаси жуз* «маленькая книга» → *дурхIяла жуз* «мальчикова/мальчика книга». В таких обстоятельствах форму генитива даргинского языка *дурхIяла* с позиций русского языка следовало бы понимать как «мальчикова» (книга) или как что-то синкретическое между «мальчикова» (книга) и (книга) «мальчика», которую под влиянием русской грамматики мы привыкли воспринимать прежде всего как «мальчика» (род. п.), хотя исторически ее прежде всего надо было понимать как «мальчикова». В русском языке категория притяжательности и категория принадлежности в плане выражения разделились, а в даргинском — этого еще не произошло. Поэтому в последнем они выражаются одной формой. Этим объясняется совпадение передачи в даргинском языке значений русских относительных прилагательных и генитива (ср.: *мургыла тIулека* «золотое кольцо» и *мургыла багъа* «цена золота»).

Следовательно, форму на *-ла*, трактуемую в даргинском языке как форму генитива, более адекватно толковать как синкретическую, совмещающую функции прилагательного и отчасти генитива.

О том, что эта форма еще не стала настоящей падежной, подобно, скажем, форме эргатива, говорит целый ряд ее специфических особенностей: а) показатель *-ла* широко употребляется также как словообразовательный суффикс (*даг-ла* «вчерашний» — при *даг* «вчера»), б) данная форма изменяется по всем падежам и в отличие от форм других косвенных падежей во всех случаях образуется от прямой основы (= формы абсолютива), а не от эргатива, что сближает ее со словообразовательной моделью современных прилагательных (ср.: *цIакъ-си* «сильный» и *цIакъ-ла* «силы» и т. д.).

Таким образом, современная именная форма на *-ла* даргинского языка в своем исходе функционально была атрибутивной формой. Таковой она в основном остается и сейчас. Вместе с тем наметились и тенденции, сближающие ее с формой падежа, а именно генитива. Она постепенно теряет отдельные атрибутивные значения, приобретая различные неатрибутивные. Последние довольно своеобразны и в большинстве случаев не совсем тождественны субъектным или объектным. Кроме того, эта форма в плане выражения в большинстве случаев уже отличается от прилагательных, ср.: *цIакъла* «силы» и *цIакъси* «сильный». Материальное совпадение сохраняется у нее лишь с относительными прилагательными (ср.: *мургыла* «золотой» и «золота»).

Целый ряд изменений произошел и в плане выражения. Первоначальный показатель в результате комбинаторных и исторических фонетических изменений с учетом диалектных вариантов преобразовался в пятнадцать алломорф. В этимологическом аспекте форма на *-ла* восходит к одной из форм архаичного латива, выражавших пространственные отношения.

Механизм превращения формы старого латива на *-ла* в форму генитива подробно описан нами в [25, с. 23—24].

Несколько специфична история грамматических падежей второго хронологического уровня (датива, комитатива, инструменталиса и фактива), которую предполагается рассмотреть в другой статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаев З. Г.* Проблемы эргативности даргинского языка. М., 1986. С. 134.
2. *Мусаев М.-С. М.* Критерии разграничения падежных словоформ и смежных структур даргинского языка // Вопросы русского и дагестанского языкознания. Махачкала, 1981.
3. *Быховская С. Л.* Имена существительные в даргинском литературном языке // Язык и мышление. Т. 10. М.—Л., 1940.
4. *Абдуллаев С. Н.* Грамматика даргинского языка (Фонетика и морфология). Махачкала, 1954.
5. *Абдуллаев З. Г.* Категория падежа в даргинском языке. Махачкала, 1961.
6. *Bouda K.* Beiträge zur kaukasischen und sibirischen Sprachwissenschaft. Leipzig, 1937. S. 13—22.
7. *Гаприндашвили Ш. Г.* К генезису формантов дательного падежа в даргинском языке // ИКЯ. 1948. Т. II.
8. *Абдуллаев З. Г.* К генезису формантов датива в даргинском языке // ВЯ. 1982. № 1.
9. *Услар П. К.* Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892. С. 15—38.
10. *Гаприндашвили Ш. Г.* Система склонения имен существительных в диалектах даргинского языка // ИКЯ. 1956. Т. VIII.
11. *Гаприндашвили Ш. Г.* Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка // Тр. Сталинирского гос. пед. ин-та. 1956. III.
12. *Гаприндашвили Ш. Г.* Образование и функции направительных и местных падежей в диалектах даргинского языка // Тр. Сталинирского гос. пед. ин-та. 1957. IV.
13. *Абакарова Ф. О.* Именное склонение в уркарахском диалекте даргинского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1956.
14. *Магометов А. А.* Кубачинский язык. Тбилиси, 1963.
15. *Гасанова С. М.* Очерки даргинской диалектологии. Махачкала, 1971. С. 167—174, 196—199, 270—273, 297—298, 310—315.
16. *Гасанова С. М.* Особенности падежной системы чирагского диалекта даргинского языка // Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.
17. *Магометов А. А.* Мегебский диалект даргинского языка. Тбилиси, 1982.
18. *Гигинейшвили Б. К.* Падежная система общедаргинского языка в свете общей теории эргативности // ВЯ. 1976. № 1. С. 39.
19. *Бокарев Е. А.* Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959. С. 273.
20. *Сулейманов Б. С.* О главных членах предложения в даргинском языке // Сб. научных сообщений. Махачкала, 1964. С. 40—43.
21. *Мещанинов И. И.* Номинативное и эргативное предложение. М., 1984. С. 187.
22. *Климов Г. А.* К типологии падежных систем // ИАН СЛЯ. 1981. Т. 40. № 2. С. 133.
23. *Бокарев А. А.* Синтаксис аварского языка. М.—Л., 1949. С. 50.
24. *Мусаев М.-С. М.* Именное словоизменение даргинского языка. Махачкала, 1980. С. 94—101.
25. *Мусаев М.-С. М.* Падежный состав даргинского языка. Махачкала, 1984.
26. *Назаров В. П.* Разыскания в области исторической морфологии восточнокавказских языков. Махачкала, 1974. С. 18—20.
27. *Курлович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
28. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.